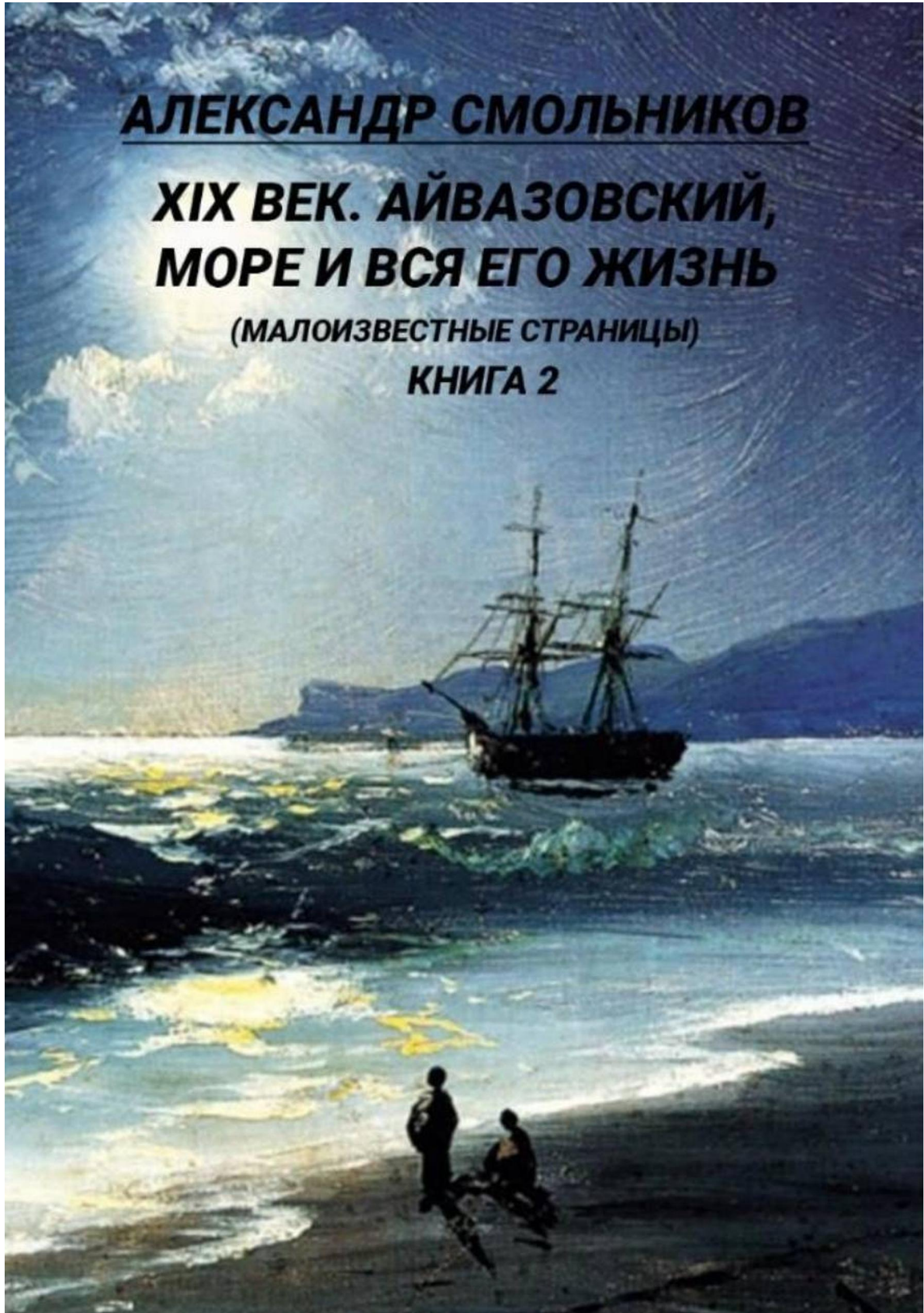

АЛЕКСАНДР СМОЛЬНИКОВ

**ХІХ ВЕК. АЙВАЗОВСКИЙ,
МОРЕ И ВСЯ ЕГО ЖИЗНЬ**

(МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ)

КНИГА 2

Александр Смольников

**Айвазовский, море и вся
его жизнь Малоизвестные
страницы. Книга вторая**

«Автор»

2026

Смольников А. В.

Айвазовский, море и вся его жизнь Малоизвестные страницы.
Книга вторая / А. В. Смольников — «Автор», 2026

«XIX век. Айвазовский, море и вся его жизнь» (Малоизвестные страницы) – это продолжение книги «Айвазовский, море и вся его жизнь», в ней автор показывает новые грани таланта художника, рассказывает о его художественной мастерской в Феодосии, о картинах, написанных великим маринистом, не связанных с написанием морских видов. Здесь мы узнаём о полотнах, которые показывают красоту и величие Кавказа, зимние пейзажи, а также картины, на которых Айвазовский опять возвращается к теме войны, которую вела Российская империя с горцами на Кавказе. В книге рассказывается о истории развития железнодорожного и морского сообщения в Крыму и в целом в России, очень подробно показана столица Грузии Тифлис XIX века, а также истории маленьких городов и горных селений, природа, жизнь и быт людей, проживающих в них.

Содержание

ХІХ век. Айвазовский, море и вся его жизнь (Малоизвестные страницы).	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Смольников
Айвазовский, море и вся его жизнь
Малоизвестные страницы. Книга вторая
А.В. СМОЛЬНИКОВ

XIX век. Айвазовский, море и вся его жизнь
(Малоизвестные страницы).

XIX век. Айвазовский, море и вся его жизнь (Малоизвестные страницы).

*«Искусство твое велико и могущественно, потому что тебя вдохновляет гений...»
Выдающийся английский маринист Уильям Тернер*

Глава - 1.

Великий маринист всех времён.

Иван Константинович Айвазовский уже без малого двести лет вызывает величайший интерес к своему творчеству, к своим картинам, написанным большей частью во второй половине XIX века. До сих пор они притягивают взгляды людей необычайностью красок и своим совершенством переданной ими природы. Айвазовский стал выдающимся мастером живописи, поистине любимым в народе и является подлинно народным художником.

Крымский вид.

Детство великого художника прошло на берегу Чёрного моря, он был влюблён в морскую стихию, в своё море, поэтому всё это наложило особый отпечаток на его творчество. Он с малых лет стремился передать водную стихию во всех её проявлениях, рисуя море то спокойным, то в шторм, показывая в своих картинах тяжёлую жизнь моряков, рыбаков, связавших себя с ним. XIX век явился эпохой расцвета многих величайших людей того времени: Пушкин и Глинка, Крылов и Жуковский, Гоголь и Иванов, Брюллов и Макаров, Нахимов и Истомин, Литке и Раевский, все они в той или иной мере повлияли на становление Айвазовского как художника. Несмотря на то, что основную часть жизни провёл в Феодосии, Айвазовский не прерывал общения с передовыми людьми того времени в течение всей своей жизни.

К концу первой половины XIX века в рамках русского романтического пейзажа выделилось течение - маринизм (морские пейзажные картины). Маринизм – или Марина - (ит. marina, от лат. marinus - морской) - морской вид, картина (также рисунок, гравюра), изображающая море. Основное в жанре марины - воплощение морской стихии в различных состояниях, а также изображение борьбы с нею человека, попавшего в шторм. В качестве самостоятельного жанра марина появилась в Голландии в начале XVII века.

Основоположником данного жанра в русской живописи и был Иван Константинович Айвазовский. В XIX столетии изображенное море, морская стихия влекла к себе художников многих стран. В морских видах дольше всего жила традиция романтизма.

Прибой у крымских берегов. 1892 год.

Произведения великого мариниста привлекают глубиной содержания картин, положенных на полотно красок. Мы видим с одной стороны гигантские волны в бушующей стихии, вспышки молний, яростные порывы ветра, а с другой красивейшую луну на спокойном ночном небе и виднеющиеся на лунной дорожке домики с растущими во мгле деревьями. Просто божественная красота сходит с полотен великого мастера! Искусствовед и поэтесса Барсамова Софья Александровна пишет: «Айвазовского не привлекало обыденное состояние природы. Творческое воображение его было направлено на яркое отражение пафоса борьбы стихий, и в образном воплощении явлений грандиозных, захватывающих он не знал соперников. Искусство великого мариниста в основе своей патетично, оно почти всегда выражало сильные чувства и яркие переживания. Эта черта его дарования сообщала его картинам выразительность и покоряющую силу. В русском искусстве XIX века это было явлением новым и даже исключительным» («Галерея Айвазовского. Путеводитель». Издательство «Крым», Симферополь. 1968).

В первой книге «XIX век. Айвазовский море и вся его жизнь» показаны основные этапы жизни художника, во второй же, давайте окунёмся с вами в мало известные страницы его жизни и творчества. Всех почитателей таланта великого мариниста приглашаю в это увлекательное путешествие по страницам нашей повести.

Глава - 2.

Любимый внук.

2.1

Костя Арцеулов.

Шёл последний месяц лета. Солнце уже не так обжигало лицо, как в июле, но было еще достаточно жарким в своих касаниях. Старик с пышной седоватой шевелюрой и бакенбардами не менее пышными, тоже с проседью и занимавшими всю нижнюю часть лица, одетый в синий сюртук, спокойно сидел на скамеечке, откинувшись на её спинку и вытянув вперёд ноги в чёрных ботинках, смотрел куда – то вдаль, за горизонт. Перед ним не спеша шевелилось море, перекатывая с мелкими ракушками волны. Он прикрыл глаза и казалось спал, иногда неслышно шевеля губами.

Прощание. 1895 год.

Перед глазами старика проносились сцены его детства. Когда – то он сидел здесь на песке, и смотря на фосфорящиеся волны, играл на скрипке и пел восточные песни, а потом зашёл в это ласковое бело – фиолетовое море и пообещал ему, этому любимому живому существу своего сердца, обязательно его нарисовать. С тех пор прошло уже почти семьдесят лет. Да, давно это было!

Иван Константинович Айвазовский, а это был именно он, величайший художник – маринист, написавший тысячи бессмертных картин о море, зашевелившись на скамейке неожиданно твердым для своего возраста голосом спросил:

- Костик, ну как у тебя успехи сегодня, дорогуша?

Мальчик лет восьми, стоявший почти у самого берега, обернулся. На правильном овале лица блеснули широкие голубенькие глаза, пшеничные волосы были коротко подстрижены и спадали практически до глаз ребёнка. Это потом с возрастом волосы мальчишек постепенно темнеют, а сейчас они лежали на голове выжженной солнцем светлой шапочкой с чубом. Перед ним стоял мольберт, в руке он держал кисть, немного перепачканной краской рукой.

- Да, дедуля, заканчиваю. Ещё несколько штришков и всё будет готово!

На холсте из – за паренька выглядывало только что нарисованное им море, и на нём в дали на волнах качался кораблик под парусами, освещённый яркими лучами солнца.

Иван Константинович улыбнулся внуку, не спеша встал, подошёл к мольберту, взяв кисточку несколькими мазками поправил содержимое картины:

- Ну, давай потихоньку завершай и пойдём с тобой к ужину.

- Хорошо, дедуля! – откликнулся внук.

И Иван Константинович опять откинулся на спинку скамейки, о чём – то вспомнив, тихо запел восточную песенку, улыбка тронула краешки его губ, осветив лицо великого художника, и он забормотал – забормотал и задремал, подставляя лицо солёному ветерку с моря.

Перед глазами мариниста пронесли воспоминания. Вот его Феодосия, для него самая родная, самый главный и любимый город в мире. Хотя многие, будь на его месте, давно бы уже сбежали в Санкт – Петербург, в столицу, чтобы быть на высоте своего успеха там, где балы, роскошные дворцы, туда куда стремилась его первая жена, из – за чего и произошло их расставание. Жители, забытого богом захолустья, его боготворили. А Иван Константинович, используя все имеющиеся ресурсы (любовь и почёт со стороны императорской семьи, нужные связи, а порой и интриги) сделал всё для развития этого маленького уездного городка.

Феодосия. Порт.

О феодосийской железной дороге впервые заговорили ещё в двадцатых годах XIX века, когда англичане впервые предложили Александру I соединить железнодорожной трассой Феодосию и Москву. А в 1857 году Главное общество Российских железных дорог начало работы по созданию первой общегосударственной сети русских железных дорог в стране. Крупнейшие банкирские дома Парижа, Амстердама и Лондона вложились в это предприятие. Одну из ветвей должны были протянуть в Феодосию. В город сразу потянулись коммерсанты, стали возникать новые фирмы и конторы, стоимость земли резко подскочила, но вскоре работа остановилась из-за финансовых проблем на строительство. Стало понятно, что для развития города нужно удобное сообщение с центральными регионами страны.

В это время Айвазовский уже был настоящим хозяином города, ни одно решение в Феодосии не принимается без согласования с ним. Об его умении открывать любые двери в высших эшелонах власти в городе ходили легенды.

Между городами региона велось ожесточённое соперничество за право быть с железной дорогой, обладанием коммерческим портом для кораблей для развития торговли. Более удачливыми конкурентами Феодосии в разное время оказались Одесса, Севастополь, города Приазовья. И вот в 1885 году встал вопрос о переводе коммерческого порта из Южной бухты Севастополя в Стрелецкую или в Феодосию. По всем раскладам выбран должен был быть Севастополь, но не тут – то было. Несколько лет специальная комиссия, обсуждавшая данную проблему, не пришла к единому мнению. Принятие решения было перенесено в правительство, где большинство склонялось к выбору Севастополя, но император остановил свой выбор на Феодосии.

Иван Константинович добродушно пробубнил, проснулся и окинул взором окружающую местность. Увидев внука, вспомнил, что нужно собираться домой.

- Константин, ну мы готовы с тобой к убытию домой, видишь и солнце потихоньку начинает закатываться?

- Ну, деда, чуток ещё, очень хочется сегодня закончить картину!

- Вот сорванец, давай - ка побыстрей у меня, а то домашние нас не дождутся сегодня! - и опять голова великого мариниста склонилась на бок.

Да, тогда он благодаря огромному своему влиянию смог склонить высших чиновников столицы и самого императора в сторону родного города. И вот в том же 1890 году Высочайшее Императорское Повеление Александра III о строительстве в Феодосии коммерческого порта было объявлено! Отцы города Севастополя были в шоке – это не сказать ничего, городская пресса в течение нескольких месяцев злобно рисовала карикатуры на старика – интригана, обрубившего им концы по строительству порта. А Айвазовский и вся Феодосия ликовали! В августе 1892 года была сдана Джанкой–Феодосийская линия Лозово–Севастопольской железной дороги, а спустя четыре года был сдан коммерческий порт. Строительство порта велось в 1891-1895 годах. Им руководил военный инженер А. Л. Бертъе-Делагард. Известно, что рабочим здесь пытался устроиться молодой Пешков - будущий писатель А. М. Горький. На строительство было потрачено 3 985 202 рублей, на оборудование-дополнительно почти 1 100 000 рублей. Новый феодосийский порт был торжественно открыт министром путей сообщения князем М. И. Хилковым 9 сентября 1896 года.

Десятки кораблей подходили на разгрузку – загрузку в порт Феодосии, превратившийся в важный коммерческий порт юга России!

В честь своей долгожданной победы Иван Константинович написал картину «Торжество Феодосии» и подарил ее родному городу. Полотно размером два на три метра было символическим: грозное темное небо с ярким, пробивающимся через тучи солнечным лучом, скалистый высокий утес среди бурного Черного моря и на нем - гордая в своем одиночестве, прекрасная женщина в белом одеянии держит в руках знамя. Налетевшая из - за облака стая черных птиц при виде знамени в страхе взмывает в небо. Жители древнего города сразу же поняли аллегорию художника. Черные хищные птицы - это столичные чиновники, которые препятствовали строительству порта и железной дороги. А женщина со знаменем в руках - Феодосия, торжествующая победу над ними. Хотя на самом деле, эта была личная победа Ивана Айвазовского. Одна из главных в его жизни.

Иван Константинович почувствовал, что кто – то трясёт его за плечо. Открыв глаза, увидел Костю двумя руками толкающего деда:

- Просыпайся, дедуля, я готов, иди посмотри картину!

Айвазовский, опираясь на трость, подошёл поближе к картине:

- А не дурно, внучок, совсем недурно! – воскликнул художник, - А ну – ка дай мне кисть!

Костя подал дедушке кисточку. Великий маринист взял её и в правом нижнем углу поставил свою подпись и засмеялся...

- Ну, вот можешь продавать, дорогой мой!

Как рассказывал его еще один внук, усыновлённый Иваном Константиновичем, пошедший по стопам деда и ставший гениальным художником, Александр Латри: «Иван Константинович очень любил Костю и иногда подшучивал над приятелями, ставя на картины Кости свою подпись».

А маленький Костя Арцулов вырос в Константина Константиновича, определился на службу в армию, был в сухопутных частях, потом стал авиатором, воевал на фронтах первой мировой, был награжден орденами от Государя Императора за свои подвиги. Но главный подвиг совершил, войдя осознанно первым в истории авиации в 1916 году на самолёте в штопор, который повторил два раза подряд, чтоб не было сомнений, что это случайно.

К.К Арцеулов

В 1933 году знаменитого летчика репрессировали и сослали в Архангельск. Реабилитировали в 1937-м. Но в авиацию он не вернулся. Зато вернулся к рисованию - стал художником-иллюстратором. Арцеулов оформил более пятидесяти книг, делал иллюстрации для журналов «Техника - молодежи», «Крылья Родины», «Юный техник», «Моделист-конструктор». Уже пожилым человеком Арцеулов писал: «По - моему мнению, профессии художника и летчика близки друг другу, потому что во многом требуют от человека одних и тех же врожденных или приобретенных черт и качеств: чувство пространства, движения в нем, темпа и ритма его, глазомера и тонкого чувства цвета, наблюдательности, аналитического отношения к обстоятельствам в работе, романтизма и предприимчивости, эмоциональности и глубокого знания своего ремесла».

2.2

Разговор с внуком.

- Деда, а деда! Давай минуточку посидим! – предложил Костя.
- Ну давай, Костик, посидим, только не долго, а то домашние уже, наверное, волнуются.
- Дедушка, а разве хорошо, что железную дорогу построили перед домом, ведь раньше было удобней ходить на пляж?
- Хорошо, а как же, дорогой! Теперь у города есть своя железная дорога, которая не так давно протянулась перед нашим домом в порт. Городу это хорошо, станем жить лучше. Конечно есть недовольные, что дорога мешает пляжному отдыху, но, а как же? Видишь сколько кораблей подошло в порт: Раз, два, ... двадцать шесть сейчас стоит на разгрузку! Очень хорошо! Самый короткий маршрут в порт здесь проходит.

Когда в 1892 году начали прокладывать ветку железнодорожных путей к порту и тогда же построили временное деревянное здание вокзала. Но оно оказалось крепким, и простояло

почти четверть века, вплоть до 1914 года. С устройством в 1894 году порта и припортовых линий появилась станция Феодосия – порт, ставшая вскоре основным вокзалом.

Дом И.К. Айвазовского.

С января 1907-го станцию Феодосия (сейчас «Айвазовская») стали именовать «Сары-голь» – по названию феодосийского предместья. В 1914 году временное здание вокзала было заменено капитальным, в стиле классической архитектуры. По проекту петербургского архитектора Чернышева был построен белокаменный вокзал из инкерманского известняка. Но в конце 1941 года, во время Великой Отечественной войны, здание вокзала было полностью разрушено. Только в 1944 году его начали восстанавливать. Таким образом на его месте в 1956 году по проекту архитектора Зарайского было построено третье по счету здание вокзала, которое стоит по сей день. Известно, что от прежнего здания сохранилась лишь гранитная ступень у главного входа.

А пока Айвазовский разговаривал с внуком, к станции подошёл состав в несколько разноцветных вагонов с паровозом с высокой трубой, огромными колёсами, пронзительно прозвучал гудок, состав остановился, окутав паровоз белым паром. Над перроном раздались удары колокола о прибытии. Пассажиры потянулись на посадку. Так писал Александр Блок в стихотворении «Жёлтые и синие» в начале XX века:

«Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали жёлтые и синие;
В зелёных плакали и пели.

Вставали сонные за стёклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блёклыми,
Её, жандарма с нею рядом...»

Действительно, с 1879 года вагоны на всех железных дорогах общего пользования, принадлежавших ведомству Министерства путей сообщения (МПС), независимо от того, частные они или казенные, окрашивались строго в соответствии со своим классом: первый класс – в синий цвет, второй – в желтый, светло-коричневый или золотистый, третий – в зеленый, четвертый – в серый.

На кузов вагонов также наносилось краткое, состоящее из нескольких букв, обозначение дороги, которой принадлежал вагон; иногда указывались его тип (серия), число мест и класс (если пассажирский) и непременно – система тормоза. Обязательным было изображение герба Российской империи, в большинстве случаев – присутствие символики МПС. Надписи чаще всего делались крупными, красивым объемным шрифтом, нередко в несколько цветов. Таким образом, пассажирский поезд царских времен выглядел необыкновенно красочно и привлекательно.

Существовали и так называемые «вагоны-микст», то есть вагоны смешанного класса: одна половина вагона, допустим, была с местами первого класса, а другая – второго. Их применяли потому, что первый класс из-за очень дорогих билетов часто оставался невостребованным и нужно было повысить заполняемость вагонов, чтобы не гонять их практически впустую. «Вагоны-микст» снаружи красили в два разных цвета: например, пополам в синий и желтый. Те вагоны, в которых располагались вместе отделение третьего класса и багажное, окрашивались в том же порядке в зеленый и темно-коричневый. Низ (то есть ходовая часть или, по старинному, нижний постав вагонов) обычно был окрашен в черный цвет, верх – в красно-коричневый.

- Дедушка, дедушка, побежали посмотрим поезд! - закричал Костя.

- Ну, беги, беги, пострел, я за тобой пойду по - стариковски, - проговорил Айвазовский, а Костя уже нёсся во всю прыть на станцию.

-Эх, - пробормотал Иван Константинович, - когда – то и мы с мальчуганами, с братом Габриэлом так носились в порт смотреть бриг «Меркурий», а сейчас паровоз, кто бы мог подумать, что мальчишек будет интересовать в Феодосии ещё что – то кроме моря и кораблей!

А вот и вокзал. Начальник станции уже ходил перед вагонами, проверяя порядок, отличаясь от пассажиров своей железнодорожной формой с блестящими пуговицами и галунами, ну и, конечно, его фуражка ярко – оранжевого света видна была из каждого угла феодосийского перрона. Тут раздался его зычный голос:

- Не ходить по рельсам! Нельзя!

В ту пору начальники станций распоряжались приёмом, пропуском и отправлением поездов, их обязанностью был надзор за состоянием (чистотой и исправностью) станционных зданий, подготовкой подвижного состава, размещением пассажиров, приёмом и сдачей грузов, за кассирами, ведением финансовой отчётности, а также общая координация работы.

Начальники станций «перед назначением на должность подвергались экзамену на знание положения о сигналах, правил технической эксплуатации, общего соглашения между Российскими железными дорогами о взаимном пользовании вагонами, телеграфного дела, существующих тарифов и таксировки грузов и т.п.», - сообщают отраслевые документы XIX века. Кандидатов на должность представлял начальник отделения, а назначал начальник службы движения дороги. Среди требований были: возраст не старше пятидесяти лет, владение русским языком, «неимение физических недостатков, мешающих исполнению должностных обязанностей».

Форменная одежда в Министерстве Путей Сообщения. 1904 год.

Начальник станции в Феодосии, как в прочем и в любом другом городе, был уважаемым человеком, он обязан был по должности организовывать работу своих подчинённых, заботиться о них, а в подчинении у него были его помощник, кассир, письмоводитель, конторщик, весовщик, составитель поездов, ламповщик, сторож, рабочий, бухгалтер, смотритель товарного двора, пломбировщик, наклейщик ярлыков, начальник стрелочного поста, носильщик и даже прислужница при дамской комнате. Подчинялись ему и телеграфисты.

До революции не было ни номеров вагонов, ни трафаретов с обозначением маршрута. Пассажир просто шёл в свой класс, который указывался в билете. Место в вагоне предоставлял проводник. В третьем и четвертом классах никакой фиксации мест вообще не было: пускали по билету в вагон и всё.

Из вагона третьего класса, заняв место, выскочил мужичонка с чайником в руке с ошалелыми глазами. Он видно не успел сесть и устроиться как положено и тронуться по маршруту на поезде, как ему уже надоел шум и гвалт в вагоне и дым от махорки курящих, занявших места пассажиров. Сразу видно, что человек он не курящий.

Особые купе для этой категории пассажиров появились в XIX веке в вагонах первого и второго классов, в прочих курить разрешалось с согласия других пассажиров. В третьем классе иногда ставили фаянсовые пепельницы – весьма вместительные, чтобы не случилось пожара.

Мужичонка огляделся по сторонам, быстро сориентировался и рванул к будке с надписью «Кипяток». Называлась будка – «кубовая для кипятка». Обычно на станциях пока меняли паровоз или заправляли его водой, пассажиры должны были и успеть сбежать за кипятком. В кубовой очереди особо не было, так как поезд ещё только собирался тронуться в путь с начальной станции и подходили только любители попить чайку, которые как ритуал при посадке в поезд сразу наливают его себе в стакан или кружку и не торопясь, похлёбывают, смотря в окно на перрон, закусывая в прикуску кусковым колотым сахаром, который бережно доставали из тряпицы, в которую он был завёрнут.

Мужичок подбежал к двум высоким бакам с кранами. На одном было написано «Холодная вода», на другом – «Горячая вода». Кран для горячей воды был с деревянной ручкой, как в бане, чтобы не обжечь руку. Набрав воды в чайник наш любитель чая устремился в свой вагон, пробегая мимо подошедших к составу Ивана Константиновича с Костей, услышал:

- Эй, милейший, через сколько отправление?

- Минут через десять, сударь, - протарахтел мужичок и скрылся в вагоне.

В это время начальник станции, заметив Ивана Константиновича, резво подбежал и по форме доложил самому уважаемому в городе человеку, которого уже сопровождал, тоже только подбежавший дежурный по вокзалу жандарм, что-то рассказывая великому художнику и жестикулируя руками.

Выслушав доклад, Иван Константинович, держа Костю за руку, спросил у начальника вокзала:

- А скажите мне, милейший, как у вас дела, получили ли квартиру, которую вам распределили, как помню для удобства, недалеко от вокзала?

- О да, Иван Константинович, всё замечательно, в квартиру уже заехал с семьёй, миленькая квартирка четырёхкомнатная, хоть площадь небольшая, но очень удобная и не далеко от работы!

Надо сказать, что зарабатывал начальник станции в царской России от 600 до 1800 рублей в год в зависимости от класса станции и от того, к какой дороге – частной или казённой – она относится, для начальников станций всегда строили жильё. Давайте сравним с вами масштаб заработков и цен того времени: врач получал в год 600–1200 рублей, начальник паровозного депо – 1200 рублей, стрелочник – 182 рубля, переездная сторожиха (была и такая должность) – 41 рубль. Такой работник транспорта, как бурлак на Волге, в сезон мог заработать за месяц 8–12 рублей. А вот примерные цены того времени: буханка хлеба – 5 копеек, щи – 12–20 копеек, каша – 12 копеек.

- А дадите мне билетик? – это Костя устал стоять и увидев у стоявшей рядом дамы красивые картонные билетки тоже загорелся желанием подержать их в руках и обратился к начальнику станции.

- Да, милый мальчик, несомненно сейчас мы вам представим билетик, - сразу проговорил начальник станции и порывшись в карманах вытащил на свет несколько картонных карточек с дырочками, это и были железнодорожные билеты, прокомпостированные с пришедших уже поездов и потерявших ценность.

- Ой, спасибо, дяденька! – Костя поднял руку с билетами кверху на свет и стал рассматривать дырочки в них, - - А что означают эти дырочки?

Иван Константинович с благодарностью глянув на начальника станции решил взять инициативу в свои руки:

- А это, Костя, билет считается действительным, если имеет отметку компостера (отсюда пошло выражение «закомпостировать»). Компостер пробивает на билете дырочками дату отъезда и номер поезда. На самом билете указывается станции отправления и назначения (типографским способом), номер поезда и класс вагона.

- Ну ладно, уважаемые, - обратился художник к начальнику станции и жандарму, - хорошей вам службы, а мы с внуком пойдём домой, нас давно уже там ждут!

- Костя, всё, всё, домой, только домой, вперёд, дорогой! – скомандовал он внуку.

Пройдя немного, они уперлись в красивый двухэтажный особняк Айвазовского, вошли в парадную, где уже их поджидала жена писателя Анна Никитична (Мкртичевна) Саркисова-Бурназян.

- Так, дорогие мужчины, мы вас уже потеряли, а ну - ка, переодеваться, умываемся и к столу, - произнесла красивая хозяйка дома.

Удачно сложился сегодня день у Кости Арцеулова, сняв и поставив обувь, он бегом в прыжке побежал внутрь дома, оглашая криком залы: «У-у, я паровоз, всем покупать билеты!»

Ох, эти внуки, вот они маленькие, а вот смотришь, а уже ростом с тебя и нога размером о - го – го! Но какие дорогие и милые!

Как рассказывает в отрывке своего стихотворения «Разговор с внуком» автор:

«Вот внук пришёл, обнял, поцеловал,

Хороший, дорогой мой и любимый!

«Привет, дедуля!» - весело сказал,

Стал вон какой высокий и такой красивый!

Да, здравствуй, внук, и как твои дела?

Растёшь, становишься всё старше?

А у меня седея стала на порядок голова,

Ведь мы уже давно идём на марше...

Мой внук, хочу я пожелать,

Чтоб счастлив был, удачлив и умён.

А от меня и бабушки на память,

Матроны оберег написанной иконы».

2.3

Дом художника.

Действия нашей повести переместились в дом великого мариниста, который находится в самом центре Феодосии. Для строительства Айвазовский выбрал пустынное место на окраине города, на пустынном берегу моря и 1845 году приступил к его строительству. Дом строился по собственному проекту Айвазовского в стиле итальянских ренессансных вилл, его украсили копии античных скульптур. К жилым комнатам примыкала просторная мастерская, в которой Айвазовский и создал большую часть из шести тысяч написанных им картин. В этом же доме знаменитый маринист в 1865 году открыл художественную школу «по части живописи морских видов, пейзажей и народных сцен». А в 1880 году к своей мастерской в Феодосии Айвазовский пристроил огромный выставочный зал - картинную галерею. Это была первая в России провинциальная картинная галерея (до этого такие были лишь в Москве и Санкт-Петербурге). В своем духовном завещании Айвазовский написал: «Мое искреннее желание, чтобы здание моей картинной галереи в городе Феодосии со всеми в ней картинами, статуями и другими произведениями искусства, находящимися в этой галерее, составляли полную собственность города Феодосии, и в память обо мне, Айвазовском, завещаю галерею городу Феодосии, моему родному городу».

Костя был младшим, любимым внуком Айвазовского, сыном одной из дочерей художника, Жанны Ивановны. Он рано начал писать маслом и, как и дед в далёком детстве, любил рисовать морские пейзажи с парусниками и людьми. Дед охотно правил его работы, а иногда, как мы уже с вами увидели, и подписывал. Покупатели – его друзья, подчас не замечали подмены, что доставляло Айвазовскому большое удовольствие. Родители Арцеулова разошлись, когда он был еще маленьким, и детство Костя провел в доме своего деда, там он жил до самой смерти Айвазовского.

2.4

Мастерская художника.

Как говорили близкие, при работе в мастерской, Костя был единственным, кому Иван Константинович разрешал находиться во время работы, - всем остальным домочадцам это было строго - настрого запрещено.

Вот и сегодня Костя наигравшись, тихонько, чтоб не быть помехой, заглянул к деду в мастерскую. Обстановка мастерской отличалась исключительной простотой. Перед мольбертом стоял простой стул с плетеным камышовым сиденьем, спинка которого была залеплена довольно толстым слоем краски, так как Айвазовский имел привычку закидывать руку с кистью за спинку стула и, сидя в пол оборота к картине, оглядывать ее. Иван Константинович в этот раз стоял перед огромным полотном и внимательно смотрел на картину, над которой работал. Костя также тихо, как зашел, прошёл в мастерскую и сел на стул. Он посмотрел на картину и очень удивился, дед кистью закрашивал по середине полотна великолепную шлюпку с моряками, которые смогли спастись с тонущего судна! Еще вчера мальчуган любовался этим бушующим морем и шлюпкой посреди страшных волн. Айвазовский закрашивая кораблик незлобиво ругался:

- Ох, мне эти инженеры, утонет, утонет! – причитал великий мастер.

И.К. Айвазовский в мастерской.

Оказалось, всё просто, знакомый художника - опытный морской инженер объяснил мастеру, что невозможно на таком утлом суденышке спастись из такой бушующей стихии. Айвазовскому не очень понравилось замечание, но, как видим, на следующий день он все же решил убрать шлюпку с картины, чтобы быть ближе к реальности и оставил только штормовое море и беснующиеся волны.

Среди волн. 1898 год.

Костя хоть был ещё начинающим художником, но уже неплохо рисовал маслом и ему очень нравилась эта картина, на которой для передачи цвета волн и грозового неба дедушка использовал все оттенки голубого, синего и бирюзового.

На заднем плане картины просматривалось мрачное густо-синее небо, а передний план занимали переливчатые и бурлящие волны. Штормовой ветер отбивает волны друг об друга и на их гребне шипят пенистые перламутровые буруны.

Мальчик встал со стула и походил по мастерской, с разных ракурсов рассматривая картину. Вода у дедушки, как и всегда, кажется живой и подвижной. Он приходил часто и смотрел как дедушка работает над ней. Весь холст Айвазовский вначале протер очень тонким, едва уловимым слоем краски, сильно разжиженной растворителями, так что после такой протирки сохранялась вся фактура крупнозернистого холста. Эта прописка не была подмалевком в том смысле, как мы понимаем первую прописку холста, так как в значительной части она сохранена в законченной картине в своем первоизданном виде. После того как в ослабленном тоне (в полутоне) была выполнена вся картина, Айвазовский на следующем этапе работы углубил тонкими лессировками темные части картины и более пастозно прописал светящиеся гребни волн. Одновременно он энергичными ударами кисти прилепил косматые черные тучи на небе. Луч света, пересекающий по диагонали картину слева направо, едва уловим и выделен скорее более интенсивным цветом воды в местах, куда он падает, нежели тоновыми контрастами. Когда это было сделано, Айвазовский пастозным слоем краски проложил яркий свет на пенящихся гребнях волн и самые яркие цветовые пятна на них.

- Деда, эта картина мне очень нравится, мне кажется, что на ней самое красивое у тебя бушующее море, - не выдержал Костя, выдав в слух фразу, которая всё у него вертелась в голове, - я ходил по мастерской и в разных местах в зависимости от освещения, изображение меняется, волны окрашиваются то в серебро, то в синеву или светлый изумруд. Буруны на картине то исчезают, то вновь пузырятся и пенятся на гребнях волн. Красиво!

- Да, внучок, меня самого захватывает эта картина, но вот шлюпку написал неправильно, как видишь, и приходится переделывать.

- Только деда может так подбирать оттенки, - подумал Костик про себя.

- Дедушка, а как ты назовёшь эту картину? – спросил мальчик.

- Хотел, внучек, название связать со шлюпкой, с моряками, что – то «Спасение моряков в бурю», а сейчас, как ты видишь, нет ни шлюпки, ни моряков. Назову просто «Среди волн».

В картине действительно мастерски изображена грациозная пластика и мощное движение разбушевавшейся стихии, уважаемый читатель, и если вы её не видели наяву, то при случае быть в Феодосии, обязательно побывайте в картинной галерее Айвазовского. «Мастер как будто исследует каждый изгиб волны, легкое кружево пены, и эта скрупулёзность не мешает ему изобразить живую картину, в которой все мелкие детали собраны воедино. Благодаря мастерству и гениальности художника мы можем любоваться животрепещущим и лирическим видом моря» («Музеи мира. Русские художники. Из описания картины).

- Ладно, дорогой, буду заканчивать на сегодня, завтра придут ребята к нам в школу, буду с ними заниматься. Хорошие должны вырасти художники!

- Деда. А у тебя есть немного времени, может ты мне расскажешь про Америку? – спросил Костя.

2.5

«North Western Miller» или запрещённая история.

Ну, ладно, Костенька, садись удобно и слушай тогда:

- В 1861-1865 годах на североамериканском континенте разыгралась историческая драма, стоившая жизни сотням тысяч американцев - война Севера и Юга. Во время Гражданской войны, Штаты долгое время опасались вооружённой интервенции со стороны европейских держав. Лондон и Париж пытались образовать коалицию и пригласили Россию к участию в ней, однако Петербург отказал им в этом. И мир во всем мире, как бывало не раз, спасли русские. Александр II объявил, что если Англия и Франция примут участие в боевых действиях, то Россия выступит на стороне Севера. И не просто объявил, но и отправил часть Балтийского флота к Нью-Йорку, а вторую часть - к Сан-Франциско. Министр военно-морских сил в кабинете президента Авраама Линкольна Гидеон Уэллс восклицал: «Бог благословит русских!». В то время действительно существовала реальная угроза со стороны Англии и Франции, которые в любой момент могли прийти на помощь Южанам. Однако русская флотилия простояла у американских берегов около семи месяцев - и британцы с французами не посмели ввязаться в конфликт с Россией. Это и помогло Северянам выиграть гражданскую войну.

- Деда, а почему они воевали между собой? – встрял Костик.

- Так Юг был, внучек, в то время рабовладельческим, отсталым, а Север встал на промышленные рельсы, ему нужно было развиваться, Юг тянул назад развитие страны, поэтому север такое положение дел не устраивало.

- А, понятно!

- Ну, слушай дальше, - продолжил Иван Константинович, - Прошли годы и в России наступил голод, люди вымирали целыми деревнями.

Гравюра из газеты Illustrated London News, иллюстрирующая голод в России в начале 1890-х годов

В этом месте мы сошлёмся на великого русского писателя. Лев Толстой так описывал ситуацию, сложившуюся по деревням, в то время: «Люди и скот действительно умирают. Но они не корчатся на площадях в трагических судорогах, а тихо, со слабым стоном болеют и умирают по избам и дворам... На наших глазах происходит не перестающий процесс обеднения богатых, обнищание бедных и уничтожение нищих... В нравственном же отношении происходит упадок духа и развитие всех худших свойств человека: воровство, злоба, зависть, попрошайничество и раздражение, поддерживаемое в особенности мерами, запрещающими переселение... Здоровые - слабеют, слабые, особенно старики, дети преждевременно в нужде мучительно умирают».

А тем временем Иван Константинович продолжал:

- Ситуация в стране была катастрофической, и эта ужасная новость охватила Европу и дошла до Америки. Американская общественность во главе с Уильямом Эдгаром, редактором еженедельника «North Western Miller», предложила гуманитарную помощь России. Однако император тянул с разрешением и, лишь спустя время, дал добро.

Америка, всем миром собирала гуманитарный хлеб, для голодающих россиян: «фермеры и мельники, банкиры и религиозные деятели, владельцы железнодорожных и морских транспортных линий, телеграфных компаний, газет и журналов, государственные деятели, учащиеся и преподаватели высших и средних учебных заведений, журналисты, рабочие и служащие». Три северных штата и общество Красного Креста несколько месяцев свозили в порты Америки гуманитарную помощь, а к концу зимы первых два суда, груженных мукой и зерном, отправились в далекую Россию. С начала весны и до середины лета в Россию прибыло пять пароходов с гуманитарным грузом общим весом более десять тысяч тонн, что в общей сложности было оценено в один миллион долларов.

- Дедушка, а ты поедешь в своём рассказе в Америку? – спросил Костя.

- Дедушка твой был под очень большим впечатлением от оказанной помощи после того, как стал свидетелем встречи кораблей с долгожданным грузом, который помог преодолеть катастрофическую ситуацию в стране, и видел, как вагоны с продовольствием отправлялись в путь, украшенные американскими и российскими флагами. И даже изобразил это событие на двух своих полотнах: "Корабль помощи" и "Раздача продовольствия", - проговорил художник.

- Наверное государь очень обрадовался твоим картинам?

- Нет, дорогой, как раз наоборот, картины были запрещены показу публике в России. Императора раздражало настроение народа, переданное на художественных полотнах.

- И где теперь эти картины, я что – то их не видел у нас?

- А я отправился в Америку и увез с собой картины и преподнес эти работы в знак благодарности за помощь России в дар вашингтонской галереи Коркорана, - Вот так – то мой, хороший! – закончил своё повествование Айвазовский, - А теперь день подошёл к концу, пора спать, а завтра будет новый день и мы с тобой займёмся обучением с утра наших ребят из художественной школы...

А для полноты информации нашим читателям, мы скажем, что с 1961 по 1964 годы эти полотна были выставлены в Белом доме по инициативе Жаклин Кеннеди (Жаклин Ли Бувье Кеннеди Онассис (англ. Jacqueline Lee Bouvier Kennedy Onassis, урождённая Бувье; 28 июля 1929 - 19 мая 1994) - первая леди США с 1961 по 1963 год).

В 1979 году они попали в частную коллекцию в Пенсильвании и долгие годы были не доступны просмотру. В 2008 году на аукционе Sotheby's обе исторических картины Айвазовского были проданы за 2,4 миллиона долларов одному из меценатов, который тут же передал их в галерею Коркорана, что в Вашингтоне.

Раздача продовольствия. 1892 год.

Ко всему вышесказанному хочется добавить - эти полотна, написанные художником в 1892 году, так и не были разрешены к просмотру и в современной России.

- И как тебе, Константин, понравилась моя история? – спросил Иван Константинович.

- О да, деда, я, когда вырасту тоже поеду в Америку!

- Конечно мой, дорогой, обязательно надо посмотреть, чему - то может и научишься там в придачу.

- А сейчас мне надо подготовиться к приходу учеников местных из Феодосии и приехали ребята из Академии. Хочу провести их по галерее, показать картины и буду рисовать картину небольшую, чтоб показать технику письма, какие краски и кисти мною используются.

Они прошли в гостиную к домашним, в камине горел огонь, всем разлили чай и только Иван Константинович, устроившись в стороне за столом, разлиновывал лист писчей бумаги на прямоугольники по формату будущей картины и в несколько штрихов «записывал» свои мысли общей композиции будущей картины в нескольких вариантах. Художник углубился в свои мысли, он любил, чтобы на него не обращали никакого внимания. При этом открывал то один альбом, то другой, потом, отложив альбомы, стал просматривать в папках свои рисунки.

Закончив дела, все удалились по своим спальным комнатам и в доме воцарилась тишина.

Глава - 3.

Кавказ.

Иван Константинович долго лежал с открытыми глазами. Сон не шёл. Воспоминания возвращали его к молодости. Феодосия, работа в кофейне, игра на скрипке, первые рисунки. Потом он «перемещается» в своих мыслях на Кавказ. Вот он в Субаши, пальба орудий с кораблей, горцы, десант с которым он высаживается на берег. Если б не море, то он точно бы любил также сильно горы. Они красивые, переливаются красками, снежные шапки даже летом на вершинах некоторых высотников, какая – то мощь в них, в горах, море конечно красивей, но всё же... Да, древнейшая земля, древнейшие города. Вот Дербент взять, пять тысяч лет городу без малого, Римской империи еще даже в проекте не было, да...

Сон стал понемногу проникать куда - то внутрь, Айвазовский увидел себя высоко в горах, внизу где – то там глубоко виднеется ущелье. Красота вокруг неимоверная! Лёгкие облака проплыли немного ниже, чем он стоял, идут какими – то белыми кусками, сквозь них внизу видны деревья, которые он сначала принял за кусты и только потом понял, что это не так. Подошёл к краю пропасти, немного закружилась голова от высоты, от чистейшего воздуха высоты гор. Осмотрелся, небо покрыло всё до горизонта синевой с налётом облаков, солнце светит раскалённым диском над дальними вершинами соседней гряды. Проводник из местных горцев взял его за локоть и оттянул подальше от края:

- Нельзя начальник, голова закружится – упадёшь, дорогой! Нельзя!

Потом он в тишине двора сакли пишет картины Дагестана. Сакля – это горный дом, поэтому древним умельцам пришлось научиться подбирать правильное место для его постройки. Ведь в такой местности порой бушует очень сильный ветер, способный изрядно потрепать жилище. Да и о стекающих со склонов ручьях не стоит забывать, если, конечно, нет желания просыпаться во влажной комнате. Дом, который Иван Константинович выбрал для временного пристанища построен из горной породы, плоской крыши с разросшейся травой на ней и четырех комнат. Среди них были гостиная, хозяйская спальня и кухня, на которой проводили большую часть времени жильцы дома. А вокруг поднимались горы, огромные камни и валуны в несколько тонн разбросаны по склонам. Трое хозяйских детей расселись на заборе, сложенном из таких же камней, что и дом, с интересом смотрели на то, как работал художник.

Иван Константинович зашевелился, открыл глаза, в окно виднелись звёзды, повисшие над его морем. Была глубокая, до черноты темная южная ночь. Встал, влез в татарские тапочки с овечьим мехом расшитые национальным узором из цветных ниток, подошёл к окну.

- Пролетели годы, да и сейчас летят, только успевай следить за днями, неделями, остающимися где - то там сзади за спиной, оставляя болячки и морщины на лице, - подумал про себя.

- Да, Кавказ остается в сердце у каждого, кто хоть раз там побывал, остался и у меня, - рассуждал Айвазовский, стоя у раскрытого окна, - природа, соединяющая в себя горы, реки, леса, равнины и море, завораживает своей красотой.

3.1

Картины Айвазовского. Чечня -Дагестан.

Надо сказать, что Кавказ действительно оказал большое влияние на творчество художника, появились картины, показывающие великого мариниста совсем с другой, неизвестной стороны его таланта. Айвазовский путешествовал по Кавказу и Закавказью в 1868 году. Одни картины мастера показывают красоты местных гор, горных пейзажей, другие являются своего рода хвалебной песнью русскому оружию.

Вот он в местах нынешней Чечни. Одна из таких картин, изображает окрестности русской крепости «Грозной», которая была основана 22 июня 1818 года в низовье реки Сунжи. На картине селение Алхан-Юрт на фоне величественных горных вершин. Краевед Казаков Алексей Иванович, анализируя эту картину, пишет: «Если оценивать это полотно, придерживаясь традиционного взгляда на Айвазовского как на мариниста-романтика, то можно сказать, что художника в этом пейзаже заинтересовало сходство родного хребта с гигантской волной, готовой, как девятый вал на море, захлестнуть людей и их крохотное селение; что он в нем воспекает величие природы по сравнению с человеком. Но обращает внимание то, что центром композиции является сторожевая вышка, оставшаяся от недавнего недоброго времени и стоящая, судя по всему, на важной дороге в Чеченской долине, где еще пятнадцать лет назад не раз вспыхивали жаркие схватки царских войск с свободолюбивыми горцами, для которых неприступные горные хребты были крепостью и в которой они часто скрывались от преследования».

Аул Гуниб в Дагестане. Вид с восточной стороны. 1869 год.

А вот аул Гуниб в Дагестане. Этот аул - место, где взяли в плен имама Шамиля. Этот человек сумел объединить горцев Западного Дагестана и Чечни, стал их предводителем и самодержавным правителем теократического государства.

Долгое время земля Шамиля отказывалась подчиняться Российской Империи. Однако в 1859 году имперским войскам все же удалось одержать победу над горцами. Взятие Гуниба - военная операция Кавказской армии под командованием генерал-адъютанта Александра Барятинского по блокаде и штурму ставки имама Шамиля, объединившего горцев западного Дагестана и Чечни в Северокавказский имамат. Стычка и произошла в ауле Гуниб на одноимённом горном плато в Дагестане. Это был последний район, подконтрольный Шамилю (ранее штурмом была взята его резиденция в Чечне, после чего прежние его сторонники прекратили сопротивление). Взятие Гуниба происходило с девятого по двадцать пятое августа 1859 года. В результате Шамиль, более двадцати лет воевавший с могущественной Россией, был пленён и организованное сопротивление на северном Кавказе в целом прекращено.

Стычка ширванцев с мирядами на Гунибе. 1869 года.

Князь Барятинский подтвердил данные ранее гарантии безопасности самому Шамилю и членам его семьи в случае сдачи в плен. Также он сообщил, что имаму придётся отправиться в Петербург для ожидания решения императора о его судьбе. Шамилю не только сохранили жизнь, но и предоставили дом в Калуге для проживания со всем семейством. Рядом построили мечеть, выделили пятнадцать тысяч рублей годового содержания, сын его воспитывался в Пажеском корпусе. Такое великодушие было для него непостижимым, его сердце было побеждено и вскоре ненависть к русскому царю сменилось чувством благодарности. Выехав в начале 1870 года со всем семейством на богомолье в Мекку, Шамиль умер в городе Медина четвёртого февраля 1871 года.

Ступая «по следам» аварца Шамиля, то есть почти через десять лет после описанных событий, взгляд художника естественно остановился на этом селении Гуниб, где Шамиль сдался в плен. Айвазовский, пожив в селении, пообщавшись с местными жителями, насладившись окружающей природой, представил миру картину «Аул Гуниб в Дагестане. Вид с восточной стороны». На переднем плане картины изображены защитники Гуниба с предводителем, уверенно восседающим на лошади, внешний вид и одеяние которых передают дух беспокойного времени. Случайные кавказские горцы демонстрируют оживленность горного аула и готовность принять от врага или судьбы любой удар. Свежий воздух, ветер, общение с горцами вдохновляли мастера, чтобы искусно перенести своё видение сельского предгорья на полотно. Очарование гунибских массивов Айвазовский выразил в плавных линиях и мягких оттенках. Картина словно излучает тёплый свет на фоне заснеженных вершин кавказских гор. Краски полотна оказывают неизгладимое впечатление на окружающих и зовут приезжать сюда снова и снова.

Вторая работа Айвазовского, которая завоевала большую популярность у специалистов и поклонников и явилась результатом его путешествия на Кавказ, стала картина «Стычка ширванцев с мирюдами на Гунибе», на которой запечатлена схватка солдат Ширванского пехотного полка с мирюдами.

3.2

Кавказ. История Ширванского полка.

Остановимся на истории Ширванского полка, коль мы его упомянули. Полк прославил свою историю ещё с Бородинской битвы. Керсновский А. писал в статье «К годовщине боя под Бородино»: «В Бородинском сражении ключ нашей позиции – Курганную батарею (Раевского) защищала двадцать четвёртая пехотная дивизия старого кавказского героя генерала Лихачева. Сильно больной Лихачев не пожелал оставлять свои войска в этот великий день. Став перед Ширванским полком, он сказал:

- Ребята, за нами Москва! Умрем на батарее, но не сдадим ее!

Ширванцы поклялись умереть, но не отступать – «и клятву верности сдержали»: когда их отвели в резерв, то из одной тысячи четырёхсот штыков осталось только девяносто два. Впоследствии на Кавказе, Лермонтов слышал «про день Бородина» от старых Ширванцев. Вдохновение поэта родило бессмертные строфы. Вся Россия знает его «Бородино». Пусть те, кто прочтут эти строчки, знают, что там поется про Ширванский полк.

Но самую громкую славу полк заслужил на Кавказе, куда был в очередной раз передислоцирован в 1776 году. 7 ноября 1800 года он участвовал в битве с лезгинами при реке Иоре, положившей прочное основание завоеванию Кавказа. За это император Павел I наградил полк Мальтийскими знаменами. Легендарный русский полководец генерал Ермолов называл его за подвиги «Десятым Римским легионом» - по имени не знавшего поражений и прославившегося своей храбростью десятого легиона Юлия Цезаря. Ширванцы также крепко полюбили генерала, называя его между собой не иначе, как «наш дедушка Алексей Петрович». С ним совершали они почти все походы вплоть до 1826 года, переносясь из одного края Кавказа в другой и всюду одерживая блестящие победы.

Четвёртого ноября 1819 года последовал приказ Ермолова по Кавказскому корпусу о переименовании полков. Вместе с именем бывший Кабардинский полк отдал свои Мальтийские знамена, полученные за сражение при Иоре, и получил Георгиевские - за сражение при французском городе Краоне 23 февраля 1814 года.

В 1826–1828 годах Ширванский полк участвовал в войне с Персией, особо отличившись в бою при Шамхоре, где семь тысяч наших воинов сразились с сорока тысячной армией. За этот подвиг полк был награжден знаком на шапки с надписью - «За отличие».

15 августа 1828 года, в день своего полкового праздника, ширванцы показали чудеса героизма при взятии крепости Ахалцих, за что полк был награжден Георгиевскими серебряными трубами. А вскоре - зимой 1829 года - ширванцам и двум ротам Херсонского полка пришлось двенадцать дней оборонять эту же крепость от двадцатитысячной армии турок. Затем, летом, они сражались под Хартом и Бейбуртом, заслужив коллективную награду - «гренадерский бой», то есть марш, положенный для отборных гренадерских полков. В 1828 году началась война с Турцией, и ширванцы сразу же показали чудеса храбрости при штурме крепостей Карс и Ахалкалаки.

Парад Ширванского пехотного Его Величества полка.

В 1830 году «Графский полк», как его стали называть, вернулся из Турции и вновь заступил на защиту рубежей Кахетии. Тем временем в Дагестане начинал разгораться мятеж под предводительством имама Шамиля. Война эта растянулась более чем на двадцать лет, и, по словам современника, «ширванцев посылали всюду, где нужны были мужество, отвага и беззаветная преданность долгу». Недаром же горцы называли их «шайтан-солдат». Самыми яркими эпизодами этой борьбы стали штурмы аулов Тилитль (1837) и Ахульго (1839), беспримерное «Зырянское сидение» (1843) - месяц, проведенный в горах, в окружении бесчисленных скопищ мятежников, защита укрепления Низовое (1843), штурм Гергебиля и осада Салтов (1847), защита укрепления Ахты (1848).

В 1850 году полку была пожалованы «Александровские ленты на знамена за сто пятидесятилетнюю беспорочную службу». А впереди был еще ряд сражений, который завершился пленением Шамиля, - и награждение Георгиевскими знаменами с надписью - «За штурм Гуниб-дага 25 августа 1859 года».

Побывавший на Кавказе в 1888 году император Александр III назначил полку, в воздаяние славных его заслуг, полкового шефа - наследника-цесаревича великого князя Николая Александровича. Вступив на престол в 1894 году, Николай II повелел полку именоваться Шир-

ванским Его Величества. Через год он перешел в Хасавюрт, ставший местом его последней дислокации.

84-й пехотный ширванский Его Величества полк - один из прославленных «кавказских» полков. Перед Первой мировой войной только два полка армейской пехоты - Ширванский и 65-й Московский - считались «полками Его Величества», а в 80-м пехотном Кабардинском генерал-фельдмаршала князя Барятинского полку император Николай II считался шефом. Всего армейских пехотных полков тогда было 208, и входили они в состав 52 пехотных дивизий.

В XX веке 84-й пехотный Ширванский полк - вместе с 81-м Апшеронским, 82-м Дагестанским и 83-м Самурским - входил в состав 21-й пехотной дивизии, которая в начале Первой мировой войны была направлена на Юго-Западный фронт в составе 3-го Кавказского корпуса. Как писал А. А. Керсновский, корпус «покрывал себя славой всюду, где шел в бой. Суходол, Ивангород, Козеницы, Кельцы, выручка Осовца, отражение фаланги Макензена у Змиригорода и поражение ее под Сенявой, Холм и Брест - все эти дела принесли 21-й и 52-й пехотным дивизиям славу «стальных». По окончании войны корпус отбыл из Галиции на Кавказ, где демобилизовался и впоследствии был целиком восстановлен в Добровольческой армии». Но это уже совсем другая история.

Глава - 4.

Грузия. Тифлис.

Снова сон овладел Иваном Константиновичем, веки закрылись, как и все люди он такой же смертный, как и они. Как и другим ему необходимо есть, спать, любить, но есть в нём только одна особенность от других – он величайший художник, один из лучших художников всех времён!

Опять уносит его во сне на Кавказ, только в этот раз он уже в Закавказье. Опять видит горы, горные снежные вершины, водопады спадают с небес, а вот в ущелье что - то шумит, переливается серебром, о-о, да это горная речушка, сметая всё на своём пути, мчится куда – то вниз, туда в долину, к людям...

А он ещё крепкий, сильный, сноровисто взбирается в гору, осыпая камешки из-под рук и ног, всё ползёт, ползёт вверх, вверх, хватаясь за выступы, за ветки кустов. Ему надо туда наверх к голубому небу, к яркому солнцу, а гора высокая, всё не кончается, руки, колени уже сильно исцарапаны. Кто – то нашёптывает: «Не надо, остановись, остановись...». Но нет, ему нужно туда наверх, там он увидит солнце, увидит красивый восточный город, город – сказку и нарисует его! И вот, уже лучи проходят над кромкой горной гряды, и он ползёт, ползёт, цепляется руками, подтягивается и солнце бьёт ему в лицо, ослепляя глаза. Он закрывает их рукой, потом сквозь пальцы рук смотрит, и вот он впереди город, город – сказка!

Внизу течёт извиваясь река под обрывистым берегом. О! Как красиво! На обрывистом берегу стоит большая строгая церковь с остроконечным куполом, дома с красными черепичными крышами, люди на берегу общаются между собой, а за рекой берег круто поднимается вверх, и на горе виднеется крепость, извилисто построенная по гребню гряды. Да это Тифлис! Хочется закричать: «Эй, люди, люди, я здесь!», тело напрягается, надо ещё подтянуться, чтоб сесть, ибо силы закончились, и, и... художник просыпается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.